

4-27-2020

PUBLICISTIC IDEAS OF “THE TALE OF BYGONE YEARS”

Dmitry Vladimirovich Popov

doctor of philosophy Andijan Mechanical Engineering Institute (PhD)

Follow this and additional works at: <https://uzjournals.edu.uz/buxdu>

Part of the [Comparative Literature Commons](#)

Recommended Citation

Popov, Dmitry Vladimirovich (2020) "PUBLICISTIC IDEAS OF “THE TALE OF BYGONE YEARS”," *Scientific reports of Bukhara State University*. Vol. 4 : Iss. 3 , Article 13.

DOI: 10.52297/2181-1466/2020/4/3/4

Available at: <https://uzjournals.edu.uz/buxdu/vol4/iss3/13>

This Article is brought to you for free and open access by 2030 Uzbekistan Research Online. It has been accepted for inclusion in Scientific reports of Bukhara State University by an authorized editor of 2030 Uzbekistan Research Online. For more information, please contact sh.erkinov@edu.uz.

Хулоса: Демак, Зухра Мамадалиева ўз шеърларининг туб моҳияти билан Алишер Навоий анъаналаридан таъсирланган. Алишер Навоий ғазалларидаги зўр фикрлар, образли ифодалар шоира шеърларида ўзгача олам, ранг орқали ифодаланган.

Шоира ишлатилган поэтик тасвир усуллари асос эътибори билан лирик қаҳрамоннинг ички туйғулари, рухий ҳолати, кечираётган дарду ҳасратлари, ишқ онларини орзу қилиб кечираётган дамларининг нечоғли азобли, гўёки туганмайдигандек қилиб тасвирлашга, умуман олганда, инсоннинг субъектив ҳаётининг характерли манзараларини очишга хизмат эттирилган.

Шоира ўз шеърларида куюқ фалсафий фикрлар ифодалашга ҳаракат қилади. Шу сабабдан шоира ижоди ҳали кўплаб ўз тадқиқотчиларини кутиб турибди.

АДАБИЁТЛАР

1. Mamadaliyeva Z. *Dunyolar moviyrang...* - T.: TAMADDUN, 2017.14-b.
2. Mamadaliyeva Z. *Muhabbat shamoli...* - T.: TURON-IQBOL, 2018.
3. Kamol Jamol. *Shoiraning dil daftari. // Mamadaliyeva Z. Dunyolar moviyrang...* - T.: TAMADDUN, 2017.
4. Turdimov J.B. *Lirik kechinma tabiati. Fil.fan.nom... diss...avtoref.* - T., 1999.

УДК: 181.161.1

“ЎТГАН ЙИЛЛАР ҲАКИДАГИ ҲИКОЯ” АСАРИНИНГ ПУБЛИЦИСТИК ҲОЯЛАРИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ “ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ” PUBLICISTIC IDEAS OF “THE TALE OF BYGONE YEARS”

Попов Дмитрий Владимирович
д.ф.ф.н. АндМИ (PhD)

Popov Dmitry Vladimirovich
doctor of philosophy Andijan Mechanical Engineering Institute (PhD)

Аннотация. Мақола XII аср рус публицистикасини тарихий-лингвистик жиҳатдан ўрганишга бағишланган. “Ўтган йиллар ҳақидаги ҳикоя” асари мисолида адабий ва иш нутқининг бирлашувидан публицистикани рус тилининг ўзига хос шакли сифатида шакллантириш, шу жумладан, рус риторик идеалига асосланган муаллифнинг образи кўриб чиқилган, муаллиф матнда ўз позициясини ифода этади ва ишончли далилларга муаллифнинг баҳосини беради, бу эса публицистикани таъсис этувчи белгиларга айланади.

Таянч сўзлар: рус адабий тилининг тарихи, публицистика, солнома, меъёр, узус (одам), стилистика.

Аннотация. Статья посвящена изучению русской публицистики XII века в историко-лингвистическом аспекте. На примере “Повести временных лет” рассмотрен вопрос формирования публицистики на стыке литературной и деловой речи как особой формы русского языка, включающей образ автора, ориентирующегося на русский риторический идеал, автор выражает в тексте авторскую позицию и авторскую оценку достоверных фактов, что и становится конституирующими признаками публицистики.

Ключевые слова: история русского литературного языка, публицистика, летопись, норма, узус, стилистика.

Abstract. The article is devoted to the study of Russian publicism of the XII century in the historical and linguistic aspect. On the example of “The Tale of Bygone Years” considered the issue represents the formation of publicism at the intersection of literary and business languages as the special form of the Russian language that includes the image of the author who is focused on the Russian rhetoric ideal. The author expresses his position and gives evaluation of established facts and these are constitutive features of publicism.

Key words: history of the Russian literature language, publicism, chronicle, norm, usage, stylistics.

Введение. Как известно, одной из примет публицистических текстов русского

средневековья является их документальность и достоверность. Образцом опоры на факты, документальности, а также новым этапом развития публицистической мысли средневековых русских книжников XII века можно считать “Повести временных лет”. В этом произведении, помимо его общепризнанного литературного, исторического, культурного значения, можно обнаружить практически все жанры современной публицистики в их многообразии. “Повести временных лет” содержит в себе красочные, проникнутые духом устных народных сказаний повествования, лаконичные, так называемые “погодные записи”, деловые и дипломатические документы, религиозно-философские эссе, воинские повести и т.д.

Основная часть. По замечанию О.Е. Ельниковой, все тексты, входящие в состав “Повести временных лет” проникнуты публицистическим духом. Нестор еще в заглавии своего труда ставит себе вполне конкретную политическую задачу рассказать о том, “откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля” [1]. “Имея под руками различного рода источники, Нестор выразил свои взгляды на русскую историю... добро для него только то, что несет... благо русской земле, зло – все, что угрожает ее благополучию и процветанию” – указывал М. Тихомиров [4, с. 148].

Политические и идеологические задачи, стоявшие перед летописцем, очевидны: утверждение правящей в Киеве династии, идеи могущества русской земли, ее политической независимости. Эти задачи Нестор решал, во-первых, через утверждение древности русской земли – в эпоху средневековья это был весьма весомый аргумент. Летописец, трудившийся в начале XII века, ведет свое повествование с самых отдаленных времен, от трех сыновей Ноя. “*Иафету же достались северные страны и западные*” [3, с. 46] повествует Нестор и перечисляет народы, населяющие эти страны. Среди них варяги, немцы, англы, римляне, а также «*русские, чудь и ... меря, мурома, весь, мордва...*» [3, с. 46].

Племена, населяющие территорию Киевской Руси по берегам рек Днепр, Припять, Двина, Волхов, Волга, так же как и Фессалия, Капподокия, Пелопоннес и острова Британия, Родос, Итака, река Тигр, Понтийское море, оказались вписанными в контекст мировой истории и заняли там свое место. От времен библейских летописец переходит к началу приблизительно первого тысячелетия, когда славянские народы только начали расселяться по восточной Европе. И вновь находит он возможность вписать русские земли в контекст библейской, а следовательно, и мировой истории. По берегам Русского (Понтийского) моря учил апостол Андрей Первозванный. Он поднялся от Корсуни по Днепру и, встав под горами на берегу, сказал своим ученикам: «*Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей*» [3, с. 49].

Крещена Русь была при князе Владимире Святославиче, но предсказал это событие и благословил место, где впоследствии будет основан Киев, сам апостол Андрей, первый ученик Христа, брат апостола Петра. Как Петр задолго до торжества христианства утвердил свой престол в Риме, так и Андрей благословил языческие земли, которым впоследствии предстояло стать оплотом Православия. Таким образом, Нестор утверждает не только древность русских земель, но и право на религиозную и идеологическую самостоятельность Киевской Руси.

Через легенду о возникновении Киева, через новгородское предание о призвании варягов, через повествование о первых русских князьях Игоре, Ольге, Святославе, через рассказ о крещении Руси автор подводит читателя к сообщениям о современной ему действительности.

Во-вторых, политические задачи, стоящие перед ним, летописец решал, тщательно отбирая легенды, сказания и документы. Нестор, по единодушному мнению исследователей со времен А.А. Шахматова, является автором далеко не всего текста “Повести временных лет”. Наряду с авторской деятельностью, Нестор, несомненно, занимался редактурой сложившихся до него летописных сводов и отбором фактического материала, который он включил в свой труд. Отбор фактов и текстов для “Повести временных лет” свидетельствует о тенденциозном подходе Нестора к изложению событий русской истории.

Утверждению правящей в Киеве династии Рюриковичей служит включение в летопись

«Сказания о первых русских князьях». Большинство исследователей (А.А. Шахматов, Б.А. Рыбаков, П.П. Толочко, Д.С. Лихачев и др.) выделяют в «Повести временных лет» рассказ о первых русских князьях Рюрике, Труворе, Синеусе, Аскольде, Дире, Олеге в самостоятельное произведение еще, возможно, дописьменных времен, обработанное летописцем и включенное в состав первой русской летописи с вполне конкретными политическими целями.

Одним из первых на тенденциозность этого текста обратил внимание А.А. Шахматов, считавший, что «кроме спайки различных источников, комбинации занесенных в них преданий, мы в Начальном своде усматриваем еще важный фактор: тенденциозное изложение и тенденциозное освещение извлеченных из источников и преданий фактов» [5, с. 213]. Фактор тенденциозности принципиально важен для рассмотрения «Повести» как произведения, имеющего публицистическое звучание. Он указывает на возможность появления в текстах точки зрения, принадлежащей конкретному лицу. Уже в стилистике «Слова о законе и благодати» угадывалось присутствие, говоря современным языком, «субъекта высказывания». Это присутствие проявилось в строгости повествования, в стилистике его, в использовании определенной системы образов.

Авторы текстов средневековой Руси были, как правило, анонимны, но не обезличены. За каждым из текстов стоял человек, ощущавший свою ответственность за высказанное и бережно относящийся к слову. Последнее замечание имеет принципиальное значение – безымянное авторство текстов означало: в Киевской Руси появилось не просто, говоря словами А.С. Пушкина, «сословие людей государевых», но что немаловажно сословие людей, чувствующих роль эмоционально произнесенного/написанного слова. Именно поэтому можно говорить о том, что первые произведения русской литературы значительны не только фабульной своей стороной, но и стороной сюжетной – указанием на наличие в этих текстах хорошо обдуманной авторской точки зрения, которой подчиняется все повествование.

В «Повести временных лет» летописец перестает быть обезличенным, что было важным фактором на пути к явлению, которое позже получит название субъективации повествования.

Излагая историю вокняжения Рюрика в Новгороде, а затем его родственника Олега в Киеве, летописец сообщает современникам: во-первых, Рюрик вполне легитимный правитель, поскольку избран новгородцами на княжение добровольно; во-вторых, Аскольд и Дир княжили в Киеве «неправильно», поскольку были не родственники Рюрику, а его бояре; в-третьих, Олег, как родственник Рюрика и регент при его малолетнем сыне имел больше прав на княжение в Киеве, чем Аскольд и Дир: *«И избрались трое братьев со своими родами, ... и сел старший, Рюрик, в Новгороде... И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. ...Аскольд же и Дир остались в этом городе... и стали владеть землею полян»* [3, с. 57].

И далее: *«Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу – родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал»* [3, с. 59]. Таким образом, у современника Нестора, читателя «Повести временных лет» должно было сложиться убеждение, что Киевом и Русской землей правит князь, который, являясь прямым потомком Игоря, имеет все законные права на княжение. Можно предположить, что изложение в «Повести временных лет» этой концепции явилось следствием наличия неких «антиваряжских» или «антикняжеских» настроений в политической жизни современного летописцу Киева, и стремления летописца подчеркнуть политическую независимость власти Рюриковичей от Византийской империи.

Включение в состав «Повести временных лет» сказаний о первых русских князьях и рассказа о крещении Руси свидетельствует не только о фактологичности первых русских текстов. Древнерусский книжник не только повествует читателям о том, что происходит «здесь и сейчас» (примеров такого рода в древнерусской литературе множество), он

стремится вписать события текущего момента в контекст истории – своего княжеского рода, своей страны – и, наконец, в контекст мировой истории. Чувствуя нерушимую связь событий настоящего с событиями прошлого, летописец стремится постичь и передать читателям закономерности бытия. Любое событие современности – будь то нашествие врагов, строительство храма, смерть князя или явление в небе знамения – оказывается соединено множеством связей с событиями прошлого и будущего.

Следующей и наиболее значимой особенностью работы летописца над материалом является достоверность и документальность излагаемой информации. Нестор, как и другие летописцы, был убежден в полной достоверности сведений, отобранных для “Повести временных лет”. В записи за 6600 (1092) сказано: *“Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было видно их самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли они так людей в Полоцке и в его области”* [3, с. 220]. Достоверности в этом рассказе для летописца было не меньше, чем в сообщении несколькими строками ниже: *“В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем”*.

Отсутствие авторской фантазии и строгое следование фактам (или тому, что они считали фактом) – особенность стиля древнерусских книжников [2, с. 49]. Стремлению к достоверности служит и то, что, помимо изложения событий и экскурсов в историю, летопись содержит в себе элементы полемики, которые являются отголосками каких-то имевших тогда место споров. О легендарном основателе Киева Кие Нестор сообщает: *“Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: “На перевоз, на Киев”. Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а этот Кий княжил в роде своем...”* [3, с. 50]. О месте крещения Владимира замечает: *“Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Василеве, а другие и по-иному скажут”* [3, с. 136]. В похвале князю Изяславу, убитому в 6586 (1078) году, летописец говорит: *“Если же кто скажет вам: “Воинов порубил”, то это не он сделал, а сын его”* [3, с. 211]. Летописец резок и категоричен: *“не зная, говорят...”*, *“не знающие истины, говорят...”*, пристрастен: *“это не он сделал...”*. Polemika придает содержанию “Повести временных лет” дополнительную остроту.

Наряду с легендарными и полуполулегендарными сведениями, сказаниями, основанными на фольклорных источниках, дипломатическими и юридическими документами, первая русская летопись содержит множество сообщений о событиях, современником которых был летописец или о которых он узнал от очевидцев, людей, заслуживающих его доверия. Это также придает сообщениям летописи дополнительную достоверность.

Заметен разный подход к подаче материала, полученного из различных источников. Дипломатические документы передаются, видимо, дословно, без комментариев, лишь с указанием даты заключения договора и обстоятельств его принятия: *“В год 6420 (912). Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: “Список с договора, заключенного при тех же царях...”* [3, с. 66]. Стремление к максимальной “официальности» вызывает использование традиционной формулы устного “посольского обычая” – “послал... говоря так” перед включением в текст летописи длинного письменного договора. Этот отсыл к подлинным текстам договоров и переписке “на высшем уровне” подчеркивает стремление автора достичь максимальной достоверности своего повествования, документализм стиля первой русской летописи.

Сообщения очевидцев передаются живо, с яркими подробностями, обилием деталей, свидетельствующих о стремлении автора к достоверности и глубоком интересе к предмету сообщения. Такова известная история из записи за 6579 (1071) о волхвах из Ярославля, рассказанная летописцу Янем Вышатовичем. Значимая как сообщение о борьбе с пережитками язычества, а, точнее, с настоящим языческим культом (с момента крещения

Киева прошло меньше ста лет, и на периферии языческие обряды и волхвы были еще достаточно сильны), эта запись представляет интерес как сообщение очевидца и участника события. *“Янь же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: “Не ходи без оружия, осрамят тебя”. Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу... Они же кинулись на Яня, и один из них промахнулся в Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом...”* [3, с. 189].

Разговорная интонация реплики отроков: “Осрамят тебя”, детали, известные только непосредственным участникам и очевидцам происшедшего: «оборотив топор... ударил обухом» придают сообщению достоверность и убедительность. Отбор фактов – выход Яня против волхвов и сочувствующих им людей без оружия, т.е. без меча, с одним топором, которым он, впрочем, не старается кого-либо убить – свидетельствует о симпатии летописца к Яню. Рассказ служит не только посрамлению волхвов и язычников и утверждению христианства, но и тому, чтобы воздать должное одному из ревнителей веры, человеку, которого летописец хорошо знает.

В записи за 6614 (1106) год летописец наряду с такими общезначимыми событиями, как нападение половцев на Зареческ, постриг дочери князя Всеволода Евпраксии, и тем фактом, что “прибежал Збигнев к Святополку” [3, с. 280], сообщает и о смерти своего друга и информатора: *“В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститый; жил по закону Божьему, не хуже был первых праведников”* [3, с. 280]. Яню дана краткая характеристика в духе обычной для “Повести временных лет” похвалы усопшему: *“муж благ, кроток и смирен”*, но кроме того, летописец находит необходимым пояснить: *“От него же я много рассказов слышал, которые и записал в летописание этом, от него услышав”* [3, с. 280]. Это едва ли не единственный в “Повести временных лет” случай, когда летописец извещает о смерти частного лица, не князя, не воеводы, не игумена крупного монастыря.

Помимо Яня Вышатовича у летописца были и другие информаторы, сообщавшие ему о событиях, свидетелями которых они стали. Один из таких информаторов также назван по имени. Это новгородец Гюрята Рогович, сообщивший сведения о чуде в Югорской земле [3, с. 255]. По всей видимости, летописец тесно общался и с киевским князем Всеволодом – сыном Ярослава Мудрого. Об этом свидетельствует приведение в записи за 6562 (1054) год пространной речи, обращенной умирающим Ярославом своим сыновьям. И автор летописи, и его информатор прекрасно понимали публицистическое значение этой речи. *“Если же будете в ненависти жить, – наставлял детей умирающий князь, – в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата”* [3, с. 177].

Помещение в летописи этого наставления служило сразу нескольким целям: созданию целостного портрета идеального князя, каковым по мысли летописца являлся Ярослав Владимирович, возможности публицистически заострить мысль о недопустимости княжеских распрей и, наконец, подчеркнуть роль князя Всеволода. *“Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и всегда держал при себе”* [3, с. 177]. Ссылка на Всеволода сообщает этому отрывку особую достоверность и убедительность.

Детали, переданные очевидцами, придают сообщениям летописи яркость и интонацию живой речи: *“И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: “Это мертвец пришел”. Пробыв год, умер”* [3, с. 216]. Иногда возникают подробности, создающие в тексте ощущение живого присутствия: *“Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно был ранен под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок, и свели его вниз, и в ту же ночь умер”*; *“И сели думать в одном шатре Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею. И после молчания сказал Владимир”* *“Брат, ты старше меня, говори первый...”*. *И сказал Святополк...”* [3, с. 272, 286].

Летописец не ограничивается изложением фактов, но стремится передать атмосферу события, его подробности и детали, достигая при этом высокой степени достоверности и публицистической заостренности текста. В этих случаях древнерусский книжник достигает

столь яркой наглядности в изложении фактов, что дает повод говорить о “репортажности” своего изложения событий. Реплики людей – “мертвец пришел”, точные детали – «ранен под пазуху стрелой, стоя на забралах стены», передача психологической атмосферы события – “...сели думать в одном шатре... И после молчания сказал Владимир...” – все это создает то, что сегодня называется «эффектом присутствия» и служит достижению дополнительной достоверности и документальности текста.

Но в “Повести временных лет” есть виды сообщений, которые передают факты с минимумом подробностей. Это так называемы “погодные записи”. Примеров такого рода текстов в летописи множество: “*В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья*”; “*В год 6473 (965). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил*”. “*В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк*”; “*В год 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы*”. “*В год 6519 (1011). Преставилась Владимировна царица Анна*”. “*В год 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами*”. “*В год 6537 (1029). Мирно было*” [3, с. 66, 95, 103, 151, 165, 167].

По мере удаления от времен легендарных и приближения ко времени, когда жил сам летописец, “погодные записи” становятся все более пространными: “*В год 6567 (1060). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом*”; “*В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря двадцать седьмого, от разрезания желвака, и положен в Чернигове, у Святого Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в первый день*”; “*В год 6613 (1105). Поставил митрополит епископом Амфилохия во Владимир, месяца августа в двадцать седьмой день. В том же году поставил Лазаря в Переяславле, ноября в двенадцатый день. В том же году поставил Мину в Полоцке, декабря в тринадцатый день*”; “*В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволода, месяца июля в десятый день, и положена была в Печерском монастыре у дверей, которые к югу. И сделали над ней божницу, там, где лежит тело ее. В тот же год месяца декабря во второй день Дмитр Иворович захватил вежи половецкие у Дона*” [3, с. 178, 208, 280, 282].

Такие записи редко содержат авторскую оценку происшедшего, и ограничиваются, как правило, констатацией факта. Можно предположить, что в частях летописи, относящихся к древним временам, «погодные записи» возникают в тех случаях, когда летописец не имеет необходимых документов или преданий для более подробного сообщения о событии. К «погодным записям» о событиях, которым он является современником, летописец прибегает, вероятно, если не имеет свидетеля, который мог бы рассказать ему о происшествии более подробно.

Отсутствие очевидца, а отнюдь не мнение летописца о незначительности сообщения становятся причиной лаконичности такой, например, записи: “*В год 6591 (1083). Пришел Олег из греческой земли к Тмутаракани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмутаракани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил*” [3, с. 213]. О том, что произошло в далекой Тмутаракани, киевлянин зачастую мог узнать лишь через вторые руки, поэтому летописцу, стремящемуся к достоверности, приходилось ограничиваться констатацией факта.

Ряд признаков “погодной записи” соответствует признакам ведущего новостного жанра современной публицистики – заметки. Каждая «погодная запись» имеет “информационный повод” (на языке современной публицистики – “лид”), жесткую и логичную структуру. Запись за 6392 (884) год: “*Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: «Я враг их, и вам (платить им) незачем*” [3, с. 60]. Вслед за “информационным поводом” (“Пошел Олег на северян”) идет краткое изложение развития событий (победил северян, возложил дань), и подводится итог – дань хазарам платить незачем.

Обилие глаголов – *пошел, победил, возложил, не велел* – подчеркивает событийную

насыщенность этой краткой записи. В тексте имеется лишь одно прилагательное (“легкая дань”), и оно имеет сильное публицистическое звучание. Необходимо было подчеркнуть, что хазарам дань платили отнюдь не легкую. Таким образом, победа над северянами и вхождение их в состав государства Рюриковичей оборачивается освобождением северян от дани хазарам.

Краткая запись автора летописи о случившемся – это своеобразное “путешествие” автора во времени и пространстве. Летописец отбирает для повествования те факты и события, о которых считает нужным оставить память у будущих читателей. В этом авторском отборе зафиксирована не просто история Киевской Руси, в нем просматривается и сам автор: за скупой хроникой возникает образ человека, страдающего от несовершенства окружающей жизни.

Прежде всего, летописца привлекают войны, междоусобицы, смерти, загадочно-мистические явления. В сущности, перед нами дневник человека, фиксирующего значащие события окружающего его мира. Дневник или записи, предназначенные не только для освежения собственной памяти, но и для назидания потомкам. Использование документов и наблюдений очевидцев, строгая достоверность, тщательный, порой тенденциозный, отбор фактического материала – вот приемы, при помощи которых летописец добивается публицистического воздействия на читателей “Повести временных лет”. В подобной манере работали Никон Великий, Нестор и другие летописцы, продолжившие труд первых авторов и редакторов “Повести временных лет”.

Заключение. “Повести временных лет”, составленная в самом начале XII века, подвела своеобразный итог литературному развитию предшествующего времени. Она стала своего рода “литературной антологией” многих не только русских, но и переводных сочинений. Помимо предшествующих летописных сводов и византийских хроник, в “Повести временных лет” были выражены идеи «Слова о законе и благодати», житий первых русских святых, сказаний о первых насельниках Киево-Печерского монастыря, повесть об ослеплении Василька Требовльского и многое другое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yelnikova O.E. *Publitsistichnost literaturi Kievskoy Rusi: teksti, avtori, auditoriya. Avtoref. diss... kandidata filologicheskix nauk.* - Voronej, 2009. - 22 s.
2. Lixachev D.S. *Razvitie russkoy literaturi X - XVII vekov.* - M.: Nauka, 1982. - 388 s.
3. *Povesti Drevney Rusi.* - M.: Baluev, 2002. - 400 s.
4. Tixomirov M.N. *Russkaya kultura X - XVIII vekov.* - M.: Nauka, 1968. - 448 s.
5. Shaxmatov A.A. *Raziskaniya o russkix letopisyax.* - M.: Akademicheskij projekt, 2001. - 375 s.

UDC: 003.62

ВИРЖИНИЯ ВУЛФНИНГ «МАЁҚҚА» АСАРИДА МОТИФЛАР ВА РАМЗЛАР ИФОДАСИ

МОТИВЫ И СИМВОЛЫ В «МАЯК» ВИРЖИНИИ ВУЛФ

MOTIFS AND SYMBOLS IN VIRGINIA WOOLF'S "TO THE LIGHTHOUSE"

Хайруллоева Нигорабегим Нематилло қизи
БухДУ англиз адабиёти кафедраси ўқитувчиси

Khayrulloeva Nigorabegim Nematillo kizi
teacher of department of english literature of BSU

Аннотация. Ушбу мақолада англиз модерн адабиётининг йирик намоёнласи В. Вулф каламига мансуб «Маёққа» асарида қўлланилган бадиий мотивлар ва рамзлар таҳлил қилинган. Жумладан, асардан келтирилган парчаларда акс эттирилган бош қахрамонларнинг ички кечинмалари тасвири орқали “маёқ”нинг маънавий ва психологик аҳамияти очиқ берилган. “Маёқ” образининг турли рамзий маънолардаги ифодаси ёритилган.

Таянч сўзлар: мотив, образ, маёқ, рамз, ички кечинма, онг оқими.